

УДК 392.6

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/195-208

Научная статья

© А. В. Жидченко

**ПРОСТРАНСТВО ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЖИТЕЛЬНИЦ
АМЕРИКАНСКОГО ПРИГОРОДА 1950-х гг. В СОВРЕМЕННОЙ
МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ МУЗЕЯ ОКРУГА
ДЖОНСОН, ШТАТ КАНЗАС)**

В статье проанализированы материалы экспозиции одного из локальных американских музеев на предмет отражения в нем пространства женской повседневности. Данное условное пространство формируют такие координаты, как дом и домашнее хозяйство, различные городские учреждения и организации, а также общественная деятельность. По итогам исследования удалось установить, что пространство повседневности американских женщин, с одной стороны, создавало условия для обеспеченной стабильной семейной жизни — дом, машина, гараж, супермаркеты и т. д. С другой стороны, оно и ограничивало женщину в ее активной деятельности, в которой жены во многом зависели от мужей. В музейной экспозиции была отражена именно такая противоречивая картина реальной повседневности американских женщин. Опыт подобной научной реконструкции является новым междисциплинарным исследованием на стыке истории повседневности, новой локальной истории, музеологии, а также на основе этногендерного подхода.

Ключевые слова: история США, женская история, гендер, городская культура, музейная экспозиция.

Ссылка при цитировании: Жидченко А. В. Пространство повседневности жительниц американского пригорода 1950-х гг. в современной музейной экспозиции (по материалам музея округа Джонсон, Штат Канзас) // Вестник антропологии, 2022. № 3. С. 195–208.

Жидченко Александр Владимирович — к. и. н., старший научный сотрудник Центра гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (119334 Москва, Ленинский проспект 32А). Эл. почта: travel822@yandex.ru

* Подготовлено по плану НИР ИЭА РАН и в рамках проекта РФФ 22–28–01428 «Женская память как основа социального оптимизма»

UDC 392.6

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/195-208

Original Article

© Alexander Zhidchenko

WOMEN'S EVERYDAY LIFE IN THE AMERICAN SUBURBS OF THE 1950S IN A MODERN MUSEUM EXHIBITION (BASED ON MATERIALS FROM THE JOHNSON COUNTY MUSEUM, KANSAS)

The article analyzes the exposition in a local American museum in order to analyze the way it presents women's everyday life. This space is shaped by such key points as home and household, various city institutions and organizations, and social activities. It was found that the everyday life of American women, on the one hand, maintained a secure, stable family life — a house, a car, a garage, supermarkets, etc. On the other hand, it also limited a woman in her activities, in which wives largely depended on their husbands. The museum exposition reflects this contradictory picture of the everyday life of American women. The experience of such a scientific reconstruction is an interdisciplinary study at the crossroads of the history of everyday life, new local history, museology, and ethno-gender studies.

Keywords: US history, women's history, gender, urban culture, museum exposition.

Author Info: Zhidchenko Alexander V. — Ph.D. in History, Senior Research Fellow, Center for Gender Studies, The Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (119334 Moscow, Leninsky prospect 32A). E-mail: travel822@yandex.ru

For citation: Zhidchenko, A. V. 2022. Women's everyday life in the American suburbs of the 1950s in a modern museum exhibition (based on materials from the Johnson County Museum, Kansas). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 195–208.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, and was supported by the Russian Science Foundation (scientific project No. 22–28–01428).

В современной ситуации глобальных вызовов и новых задач, которые ставятся перед учеными, возрастает внимание представителей научного сообщества к вопросам социальной памяти. Национальная политика разных стран сегодня направлена не только на популяризацию истории страны в целом, но и на сохранение исторического наследия на локальном уровне. В последнее время это становится актуальным и для отдаленной от нас во времени древности, и для сложных и противоречивых событий XX в.

Первые послевоенные десятилетия — особый период в мировой истории, когда после победы в войне с фашизмом, по-новому заявила о себе значимость мирной, спокойной жизни, наполненной обыденными желаниями, конструирующими повседневность обычных людей. Для американской гендерной истории и истории

американской семьи этот период оценивается как «дорога перемен» (в таком переводе на русский вышел фильм «Revolutionary road») — от женского молчания и ориентации на женское служение семье и детям (не случайно 1950-е годы в США были временем baby-бума) к женскому активизму.

В предлагаемой работе сделана попытка рассмотреть, каким образом, и с помощью какого визуального и вербального ряда, в локальном музее США сохраняется историческая память, связанная с женской повседневностью американского пригорода в середине XX в. В качестве объекта исследования был выбран один из музеев штата Канзас — «Музей округа Джонсон» (Johnson County Museum). Выбор музея округа Джонсон штата Канзас обусловлен тем, что эта местность — классический пример американского пригорода, формировавшегося в ходе массового переселения «среднего класса» из центра крупного города (downtown) в новую пригородную зону, suburbs (Kelly 1993: 208) в период бурного экономического роста в США в 1950-е гг. Округ Джонсон охватывает зону юго-западных пригородов крупной агломерации Канзас-Сити.

Говоря об истории повседневности социума и ее отражении в определенном институте сохранения исторической памяти (в данном случае — музее) всегда существует условная степень искажения объективной исторической реальности. С одной стороны, мы имеем дело с реконструированной в экспозиции субъективной картиной повседневности, которая применительно к 1950-м гг. присутствовала в официальном дискурсе: фотографии, отчасти — газетных статьях, художественных фильмах, рекламе и т. д. С другой стороны, есть реальная повседневная жизнь, с социальными противоречиями, бытовыми и психологическими нарушениями, антиобщественными явлениями и другими практиками, вписанными в общеисторический контекст. В ходе исследования мы ставим задачу — ответить на вопрос, насколько отражение пространства женской повседневности американского пригорода середины XX в. соответствует объективной реальности, и как полно оно отражает не только «идеальную», но и «реальную» картину повседневной жизни женщин в соответствующий период.

Особенностям конструирования пространства повседневности в музейных экспозициях, а также проблемам репрезентации и сохранения исторической памяти, посвятили свои работы многие представители европейской и американской гуманитарной науки (Huber 2011; Macdonald 2013; Arnold de Simine 2013; Dickinson 2010; Anico, 2009; Archibald 2004; Watson 2007). В настоящее время в российской историографии музейные экспозиции в качестве инструмента сохранения и трансляции социальной памяти тоже стали объектом изучения многих историков и представителей других наук, работающих в рамках междисциплинарного проблемного поля (Овчинникова 2018: 82–89; Тартаковская 2014: 59–81; Ростовцев, Сидорчук 2014: 16–21; Овчаренко 2015: 39–43).

Что касается самой реконструкции женской повседневности в контексте социальной памяти, то данный предмет исследования находится в спектре интереса гендерного подхода в исторической науке. В этом ключе важно отметить работы Н. Л. Пушкаревой, посвященные проблемам женской социальной памяти, а также женской повседневности (Пушкарева 2019: 206–213; Верременко, Любичанковский 2019: 85–94). Основываясь на предложенных Н. Л. Пушкаревой теоретико-методологических принципах (Пушкарева 1985: 125), можно заключить, что

предлагаемое исследование будет проведено на стыке истории повседневности, новой локальной истории, музеологии, а также на основе этногендерного подхода. Эти принципы позволяют конструировать условное пространство женской повседневности, исходя из комплекса источников (периодическая печать, устная история и др.) с акцентом на рассмотрение музейной экспозиции в качестве целостного нарратива. Историко-генетический и историко-системный подходы дают возможность рассматривать локальный социум в определенный период прошлого (речь пойдет о пригороде Канзас-Сити, округ Джонсон, США) в тесной связи с историческим контекстом — вторым и началом третьего послевоенного десятилетия. Этнографический метод способствует пониманию смыслов социальных процессов и явлений, постигаемых в тесной взаимосвязи с жизненным опытом индивидов и его переживанием.

В данной работе речь идет об обычных (и этим типичных) женщинах американских пригородов 1950-х гг. Анализируя отображение их жизни в музейной экспозиции, можно попытаться через локальный пример (одного из пригородных районов Канзас-Сити) осмыслить общеамериканские социокультурные трансформации того периода. В центре внимания музейной экспозиции — белые представительницы среднего класса, возрастом от 20 до 40 лет, которые стали в 1950-е гг. жительницами нового пригорода крупного американского города. Здесь они были самостоятельным населением: домохозяйками, потребительницами товаров и услуг, волонтершами, общественными и политическими активистками, выполняли многие социальные роли, которые и сформировали то самое пространство повседневности, которое мы делаем попытку реконструировать на основе материалов музейной экспозиции.

История музея округа Джонсон и элементы пространства женской повседневности

Музей округа Джонсон начал свою деятельность в 1967 г. как добровольная организация с миссией собирать, сохранять и делиться историей округа с локальным сообществом, местными жителями. Первоначально расположенный в двух комнатах Школы Гринвуд (основанной в городке Шони в 1927 г.), он за последние годы вырос до площади 20 000 кв. футов, а в 2017 г. переехал в новое здание. Музей отпраздновал свое 50-летие в новом помещении в Центре искусств и наследия округа Джонсон и тогда же впервые начал взимать плату за вход. Помимо основного здания, Музей округа Джонсон имеет филиал — так называемое «историческое место» Лейнсфилд (ранее существовавший город, от которого сегодня осталось только одна школа) в Эджертоне, штат Канзас. Музей был признан более двух десятков раз лауреатом различных премий, учрежденных национальными, региональными и государственными организациями, за выдающиеся достижения в организации выставок, образовательных программ, подготовке публикаций. В 2016 г. музей попал под управление парка и рекреационной зоны округа Джонсон. Консультативный совет музея, назначенный комиссией округа, курирует программу формирования его коллекций. Отдельный некоммерческий фонд округа привлекает частные средства для поддержки музейных инициатив. Профессиональный персонал из 10 человек контролирует повседневную работу музея при поддержке более 50 волонтеров из музейного сообщества.

Хронологически экспозиция музея охватывает период с XVI в. до настоящего времени. При этом основной акцент во всей пространственной планировке музея сделан на периоде 1950–60-х гг., поскольку именно тогда данная местность достигла наибольшего экономического развития. Этому периоду посвящены ведущие экспонаты музея — так называемый «электрический дом» 1950-х гг. и автомобиль Chevrolet Chevy Bel Air 1955 г. К 1960-му г. средний доход одного домохозяйства округа Джонсон, составлявший 8161 доллар, был почти на 30% выше, чем в других округах Канзас-Сити. Он также занимал 7-е место в стране. Многие в округе Джонсон использовали свой располагаемый доход для покупки новейшей бытовой техники, мебели и автомобилей. Почти каждая семья в округе помимо собственного дома владела хотя бы одним автомобилем, телевизором и телефоном.

Если рассматривать пространство женской повседневности как единое целое, отраженное в экспозиционном ряде и информационных стендах и незримо присутствующее в самой атмосфере исторического повествования, то его очень легко можно разложить на составные части, каждая из которых дополняет единую картину реконструкции. Первая часть — это частная, приватная сфера женской повседневности 1950-х и 1960-х, которая ограничивается стенами дома, одного из тех, что массово строились в пригородах США в этот период. Внутри этого дома условно можно также выделить те «микространства», на которых и разворачивалась основная деятельность женщины. Вторая часть женского пространства в американском пригороде середины XX в. соответствовала удовлетворению потребностей американского общества — в образовании, здравоохранении, потреблении, культуре, развлечениях и т. д. Это пространство формировалось автодорогами, школой, магазином, церковью, а также многими другими организациями и общественными институтами. Наконец, третья часть, это условное общественно-политическое пространство нового американского пригорода, в котором развивались созданные для женщин и в том числе самими женщинами социальные активности.

Дом и домашнее хозяйство как элемент пространства женской повседневности

Главным смысловым компонентом первой, условно выделенной нами части пространства женской (в более широком плане — семейной) повседневности является так называемый «Полностью электрический дом» («All-Electric House») 1950-х гг. — не типичный, а уникальный (олицетворяющий мечту об удовлетворении всех бытовых потребностей представителя американского среднего класса середины 1950-х гг.) дом. В годы Холодной войны и стремлении к максимальному обеспечению комфорта повседневной жизни в капиталистических и социалистических странах такие эксперименты отвечали политическим и социальным запросам.

Этот дом в стиле ранчо 1954 г. является самым большим экспонатом коллекции Музея округа Джонсон. Построенный компанией «Kansas City Power & Light Company» в качестве демонстрационного дома в полностью электрифицированном районе (где не было необходимости в природном газе), дом посетили более 60 000 человек за шесть месяцев, пока он был открыт для публики. Этот дом со всеми техническими удобствами рекламировался как «рай для ленивых»: специальные выключатели открывали и закрывали шторы, другой переключатель убирал картину

над камином, открывая черно-белый телевизор со встроенными динамиками. Снаружи домовладельцы могли смотреть телевизор, не выходя из внутреннего дворика на заднем дворе. Ночники «Moon Glow» по всему дому обеспечивали свет ночью, электрический камин не давал тепла, но потрескивал как настоящий, а электрический тепловой насос мог обогревать дом более эффективно, чем другие методы отопления. С 1950-х по 1990-е гг. в доме жили пять семей. Последняя семья, жившая здесь, подарила его музею, понимая, что этот дом 1954 г. у них «особенный». После Второй мировой войны владение домом в пригороде стало американской мечтой; подобные «электрические дома» 1950-х гг. воплощали эту мечту для многих. Электрический дом «Kansas City Power & Light» воплощал идею счастливой семейной жизни, какой она тогда понималась. Так, в экспозиции показано, что именно этот дом был олицетворением американской мечты послевоенного поколения, которые хотели, создав семью, иметь свой дом в новом пригороде.

Популярный в послевоенные десятилетия в американских пригородах дом в стиле ранчо изменил представление о планировке и превратил кухню в центр всей повседневной жизни. В предшествующий период домашние кухни были маленькими и располагались в задней части дома, чтобы сохранять тепло, а также ограждать от шума и запахов остальную часть дома. Но с конца 1940-х гг. кухня заняла важную часть помещения. Она проектировалась с большими окнами, выходящими во двор и на проезжую улицу. Именно в 1950-е гг. кухня стала неотъемлемой частью внутреннего жилого пространства американского жилища. Двери из кухни вели обычно в прачечную и гостиную. Проектировщики подчеркивали тем самым, что женщина может «управлять всем домом» из центрального места, а именно — кухни.

Как часть женского и общесемейного пространства внутри дома, кухня ныне представлена в рамках экспозиции очень детально. Здесь можно увидеть бытовую технику фирмы «General Electric» 1950-х гг. — холодильник, плиту, печь, посудомоечную машину. Кухонный гарнитур умышленно сделан частично со стеклянными дверцами, чтобы посетители могли увидеть посуду, которую домохозяйки ежедневно ставили на стол в те годы. Открыв сами холодильник, посетители музея (представители разных поколений) могут увидеть повседневный рацион американской семьи 1950-х гг.

Еще одно важное место пространства женской повседневности внутри дома — детская комната. Из предметов мебели в ней детская кроватка, большой игрушечный камин (вероятно, сделанный собственноручно родителями), комод. На информационном стенде, стилизованном под покрывало на детской кроватке, рассказывается о поколении «бэби-бумеров», рожденных между 1946 и 1964 гг., и достигших совершеннолетия в период «невероятного процветания» США. К 1964 г. они составляли уже почти 40% населения страны. После Второй мировой войны американское общество реагировало на демографический подъем трансформациями повседневной жизни. Так, например, упомянутая в информационном контексте экспозиции книга Б. Спока «Ребенок и уход за ним» 1946 г., характеризуется как пропаганда новых, «революционных» тактик воспитания детей. Перечислены наиболее популярные детские имена времен бэби-бума 1950-х гг. — на первом месте там Джеймс и Мэри.

В ванной комнате создатели экспозиции поместили около раковины электрический фен и плойку — новинки 1950-х гг., ставшие атрибутами женской повседневности того времени. Дизайнеры 1950-х гг. использовали яркую и жизнерадостную

цветовую палитру, отражавшую оптимистический взгляд потребителей. Ваннные комнаты, если следовать экспликации экспозиции «Потребительский бум 1950-х», стали тогда согласованными по цветовой гамме с остальным убранством дома. Раковины, унитазы, ванны, даже мыло и туалетная бумага стали производиться разных цветов (и этой теме посвящена отдельная часть экспозиции — «Чудесный мир цвета»). В экспозиции представлены два излюбленных цвета американских домохозяек «Ming Green» и «Regency Blue», однако самым популярным назван «First Lady Pink» (розовый Первой леди), получивший свое название в честь М. Эйзенхауэр, пристраившейся к нему.

В небольшой комнате между кухней и гаражом размещалась стиральная и сушильная машины — средства бытовой техники, которые массово распространялись в США в послевоенные десятилетия, облегчавшие женский домашний труд, освобождая часть времени домохозяек для занятий с детьми, общения с подругами и саморазвития. С другой стороны, в историко-культурном контексте бытует мнение о том, что массовое производство бытовой техники решало задачу подведения уровня организации быта и домашнего пространства к определенному стандарту, видимому для соседей. О саморазвитии женщин в этот период говорить было сложно. Как следствие, в обществе разразилась дискуссия о недовольстве домохозяек американских пригородов своей повседневной жизнью, и начало тем спорам положила, конечно, «Загадка женственности» Бетти Фридан.

За пределами той комнаты начиналось пространство, которое можно назвать мужским. Это прежде всего гараж... В представленном Музее округа Джонсон так называемом «электрическом доме», гараж был частью и продолжением этого дома. Здесь было достаточно места для размещения автомобиля и хранения технических принадлежностей, необходимых для его владельцев. Согласно устным воспоминаниям американцев, судя также по динамике статистических данных, второй автомобиль (для нужд супруги) стал массово появляться в американских семьях не ранее второй половины 1960-х гг. (Statistical Abstract of the United States 1969: 549–552). Поначалу единственной машиной в семье управлял отец семейства, и гараж в исследуемый нами период был частью условного «мужского» пространства повседневности.

Что касается самой машины, то она припаркована у входа в дом, открывая часть экспозиции, погружающую нас в тему «Американская автомобильная культура». По мере роста уровня жизни, в пригородах росла зависимость американцев от автомобилей. К 1955 г. на дорогах было более 7,9 миллионов легковых машин, и 7 из 10 семей имели хотя бы одну в личном владении. Одним из самых популярных брендов был Chevrolet. В 1955 г. Chevy Bel Air был одной из 1,7 миллионов моделей, проданных в том году, что сделало его самым продаваемым автомобилем в Америке. В экспозиции он представлен таким образом, будто семья только что вернулась или собирается отправиться в путешествие. На заднем сиденье чемоданы, на передней панели — темные очки и выпуск журнала «К звездам» за 1952 г., посвященный местам для путешествий по штату Канзас.

Помимо рядовой повседневности американской семьи, в музее уделено внимание и праздничной, отличающейся от обыденности, стороне. Так, организаторы экспозиции представили коллекцию искусственных рождественских деревьев, которые были популярны в США в середине XX в. Алюминиевую рождественскую елку здесь называют футуристическим праздничным украшением 1960-х. Однако искус-

ственные рождественские елки были известны в США еще с конца XIX в., когда получили распространение искусственные деревья, сделанные из перьев. В 1959 г. специализированная алюминиевая компания в Мэнитуоке (штат Висконсин) произвела первое алюминиевое дерево под торговой маркой Evergleam, ставшей коммерчески успешной. Первоначально продававшиеся в магазинах «Montgomery Ward», вечнозеленые искусственные деревья быстро стали популярными товарами. Алюминиевая промышленность США изготовила 150 000 деревьев в 1964, самом пиковом по продажам, году. Успех Evergleam вдохновил конкурирующие бренды: аналогичная продукция компаний «Revlis, Warren», «Silver Pine», «Tomar Imperial Arctic Star», «Carey-McFall и Krystal» продавались в различных универмагах (об этом — специальный раздел экспозиции «Два фута в высоту, первое поколение»). Деревья пришли в массив традиционных и нетрадиционных цветов праздника, меняя высоту дерева, форму игл. Алюминиевая елка взывала как к безудержной послевоенной коммерциализации в Соединенных Штатах, так и к появлению сторонников «легкости жизни», где не оставалось сухих иголок (после настоящей елки), которые нужно было убирать, когда праздник заканчивался.

Реконструируя американскую городскую повседневность по экспозициям Музея округа Джонсон, стоит обратить отдельное внимание на такую особенность: продолжение внутрисемейного и внутрисемейного пространства в США в середине XX в. — это, так называемая «зона коммунистической угрозы». Претендуя на историческую объективность, ей в музее уделено относительно большое внимание. На огромном стенде размещена фотография встречи первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева и вице-президента США Ричарда Никсона в 1959 г. в Москве, внутри реконструированного американского дома во время советско-американской выставки в «Сокольниках». Если всмотреться в жизнь американской семьи того времени, как она представлена в музее, можно почувствовать, что в каждой американской семье тогда ощущалась «угроза коммунистического вторжения». В экспозиции есть несколько инструкций о поведении членов семьи в случае ядерной бомбардировки, брошюры с информацией о радиоактивных осадках, есть и этикетки с коробок «наборов выживания». Визуальный ряд дополнен также предметным: железной коробкой сухого печенья, большой черной канистрой стратегического запаса питьевой воды и другими продуктами-запасами в бомбоубежищах на случай ядерной атаки. Тему семейных бомбоубежищ в экспозиции раскрывает видеофрагмент документальной хроники рубежа 1950–1960-х гг., транслируемый на экране, стилизованном под телевизор того периода.

Хотя в музейной экспозиции и не подчеркнут тезис об укреплении семейных ценностей в середине XX в., тенденцию к такому укреплению можно уловить, рассматривая экспонаты и читая материалы статистики. Известно, что именно в 1950-е гг. впервые за 100 лет число разводов в США снизилось, а количество браков и рождаемость резко возросли, что вызвало бум нуклеарной семьи. Дебаты по социальным и культурным вопросам, которые разделяли американцев на протяжении 150 лет, были заглушены, что говорило о национальном консенсусе в отношении семейных ценностей и норм (Coontz 1997: 112).

Город как часть пространства женской повседневности

Во втором, условно выделенном нами внешнем пространстве женской повседневности американского пригорода и города 1950–60-х гг., показана роль различных учреждений и организаций, которые обеспечивали жизнедеятельность и качественное обслуживание потребностей населения. Это пространство формировали такие учреждения, как детский сад, школа, почта, магазин, церковь.

Данная часть выставки довольно слабо представлена предметным рядом. Основа — стенды с фотографиями и информационными табличками, реже — отдельные предметы в небольших стеклянных витринах. Отдельное внимание в экспозиции уделено развитию сферы торговли нового американского пригорода. Торговые центры в США стали популярными в 1950-х гг. благодаря подъему автомобильной промышленности, новой системе межгосударственных отношений и устойчивой экономике. Торговые центры «последовали за населением» в пригороды, а коммерческие застройщики присоединились к послевоенному строительному буму. С 1958 по 1967 гг. розничные продажи в округе Джонсон выросли почти на 72%. Крупные торговые центры, такие как Mission Shopping Center, Metcalf South и, позднее, Oak Park Mall, стимулировали рост продаж. Эти крупные пригородные торговые центры заманивали потребителей делать покупки и пользоваться услугами и развлечениями дальше от мест сосредоточения бизнеса в центре Канзас-Сити. Ранее процветавшие предприятия в центр города (downtown) либо закрывались, либо перемещались в пригороды, что еще больше дестабилизировало городское ядро.

По мере того, как население округа росло, расширялись и возможности для культурных мероприятий. Волонтерские усилия привели к созданию общественных театральных организаций. Театральные ассоциации начали свою деятельность в 1950-х гг. Местные исторические общества формировались для интерпретации истории конкретного города.

Во второй половине XX века в США «рабочие места следовали за населением в пригороды», где земля была более дешевой, а пространства гораздо больше. Крупные компании по всей стране переместили свои офисы в пригородные кампусы, расположенные ближе к местам проживания своих сотрудников. Округ Джонсон не был исключением. Начиная с 1970-х гг., около 500 компаний переехали из центра Канзас-сити в этот пригород. Жители теперь могли не только жить, но работать и делать покупки на местном уровне, становясь менее зависимыми от городского ядра Канзас-Сити. Канзас-Сити ожидал изменения численности населения еще в 1953 г., «аннексировав» более 200 квадратных миль в течение следующего десятилетия. В 1964 г. был введен подоходный налог для всех, кто живет и работает в черте города. Этот налог взимается здесь и сегодня. Кроме того, предприятия по обе стороны дороги городской границы воспользовались «пограничной войной», принимая стратегическое решение переехать через эту границу, чтобы получить корпоративные налоговые льготы.

Так, постепенно именно пригород стал главным пространством формирования женской городской повседневности в 1950–1960-е гг. Необходимости ездить в центр города почти не было, и именно пригород располагал важным для жизни набором учреждений и организаций. В границах одной улицы (или одного «соседства») люди часто знали друг друга, доверяли друг другу и чувствовали здесь себя комфортно и безопасно. Для подтверждения этого факта музейная экспозиция отсылает нас

к «устной истории». Здесь приведены несколько воспоминаний старожилов: «... Детство в округе Джонсон прошло беззаботно. Не было никакого преступления, о котором я знал, и люди ладили. Не было никаких демонстраций или группировок недовольных людей. Все, казалось, принадлежали к среднему классу, хотя внутри него было несколько слоев...» (Роджер Роудс, Оверленд-Парк, Музей округа Джонсон); «...Для меня округ Джонсон был прекрасным местом для жизни. У нас были привилегии, но мы об этом не знали. У нас у всех была работа, и у нас, возможно, была машина, но она была подержанной, и мы любили ее...». (Кэрен Макги Стэпп Мерриам, Музей округа Джонсон).

Одна из причин формирования безопасной среды в пригородах США в середине XX в. — политика федеральных властей, которая находила отражение на местном уровне. Ей также уделено внимание и в экспозиции Музея округа Джонсон. Здесь рассказывается, что «жилищная дискриминация удерживала многих американцев по всей стране от осуществления американской мечты о жизни в пригороде». Федеральная политика, касающаяся ипотечных кредитов и страхования жилья, была связана с отказом в выдаче кредитов в районах проживания этнических меньшинств. Так, ограничения на въезд в новые пригороды удерживали многих представителей меньшинств от покупки новых домов. Даже после того, как Верховный суд признал дискриминацию в сфере жилья незаконной, фирмы, занимавшиеся недвижимостью и ипотечным кредитованием, продолжали запрещать меньшинствам жить в пригородах (Музей округа Джонсон).

Жилищная дискриминация была обычной практикой в округе Джонсон еще в 1910-х гг. к 1950-м гг. 96% подразделений округа были открыты только для белых. Ограничения на действия почти в каждой общине удерживали группы, которые некоторые считали «нежелательными», особенно афроамериканцев и евреев. Эта часть экспозиции наполнена личными историями и фотографиями чернокожих семей, которые проживали в отдельных пригородных «соседствах».

Можно сказать, что в 1950-е гг. подобными практиками в округе создавалась безопасная среда для белых семей «среднего класса», а в первую очередь для женщин и детей. Осознание того, что ребенка можно спокойно отпустить гулять или переночевать в доме родителей друзей, вселяло в женщин чувство стабильности и защищенности, хотя это и шло вразрез с правами определенных категорий граждан.

Общественная жизнь американок в пространстве повседневности

Третья, условно выделенная нами часть женского пространства городской повседневности тесно связана с общественной и общественно-политической активностью женщин, которые именно в середине XX в. получили новые возможности для самореализации. Раздел экспозиции музея, который называется «Место женщин», открывает цитата заместителя министра труда США Джеймса О'Коннелла 1960 г.: «Когда женщина начинает рассматриваться в первую очередь как источник рабочей силы, и только во-вторых, как мать, тогда я думаю, что мы теряем многое, что предположительно отделяет нас от коммунистического мира» (Джеймс о'Коннелл, Музей округа Джонсон).

В отражении локальной истории в рамках музейной экспозиции большое значение придается общеисторическому контексту развития страны в соответствующий

период. Так, о 1950–60-х гг. доминирует мысль, что популярная культура увековечила «идеальную» семью американского пригорода. Мужья работали в различных конторах, а жены заботились о детях и доме. Правительственные чиновники выступали за то, чтобы женщины оставались дома и служили основой семьи. Мужчины должны были стать идеальными «семьянинами»: зрелыми, ответственными и патриотичными. Соблюдение этих жестких бесполовых правил имело решающее значение в борьбе с коммунизмом (Boylan 1989: 301).

Несмотря на эти предупреждения, некоторые женщины в округе Джонсон работали вне дома и играли активную роль в своих общинах, участвуя в волонтерских организациях и в политической жизни. Для иллюстрации этого в экспозиции приводится история Джен Мейерс, которая успешно уравнивала свою роль жены и матери с 30-летней карьерой в политике Канзаса. В 1966 г. она была председателем избирательной кампании Ларри Уинна-младшего в Конгресс США. В следующем году она стала первой женщиной, избранной в городской совет Оверленд-парка, затем работала в Сенате штата Канзас и в Палате Представителей Соединенных Штатов. Визуальный ряд дополнен фотографиями Джен, на которых она предстает как успешная женщина, в то же время сохраняющая женское очарование. Рядом размещена ее цитата 1968 г.: «Правительство и домохозяйка находятся в очень близких отношениях. Это область, которая имеет отношение к каждому аспекту их жизни. Это связано с улицей перед их домом, качеством их школ. Оно вовлечено в каждый аспект поддержания дома и семьи» (Дж. Мейерс, Музей округа Джонсон).

Данная часть экспозиции построена по принципу бинарных оппозиций, и историю Джен Мейерс уравнивает женская биография с противоположной судьбой. Локальное общественно-политическое пространство 1950–1960-х гг., в которое были вовлечены женщины, также знало примеры слишком бурной активности. Так, в экспозиции Музея округа Джонсон представлены материалы об Эстер Браун. Из данных Отчета ФБР от 21 февраля 1949 г.: «В последнее время субъект был активен в Прогрессивной партии и активно агитировал среди негров в Южном Парке, штат Канзас, добиваясь от них права отправлять детей в школу для белых детей». Эстер Браун активно участвовала в движении «За гражданские права» в округе Джонсон, что заставило ФБР заподозрить ее в связях с коммунистами. Она была дочерью русско-еврейских эмигрантов и за свою активную деятельность вместе с мужем нередко подвергалась арестам. В 1948 г. ее муж Пол даже потерял работу в бизнесе своего отца из-за деятельности Эстер. Он признавал: «Мы заплатили высокую цену за наши добрые дела», но при этом никогда не сожалел и «не сомневался в наших усилиях» (Эстер Браун, Музей округа Джонсон).

В экспозиции также есть стенд, посвященный такому уникальному явлению в общественно-политической жизни Канзаса, как «Лига женщин-избирателей», которая работала в середине XX в. под девизом «Дайте мне пять!». Из материалов предвыборной брошюры можно узнать о том, что «Лига женщин-избирателей» — это беспартийная группа, которая активно изучала и отстаивала местные проблемы, а также способствовала просвещению избирателей. Отделение миссии в городе Шони официально было образовано в 1953 г. По мере того, как ее членский состав расширялся за пределы Шони, группа переименовала себя в Лигу женщин-избирателей округа Джонсон.

Еще один пример общественной жизни женщин небольшого американского городка связан с именем Кей Робсон. Музей округа Джонсон представляет ее биографию и успехи: вместе с небольшим кружком единомышленниц она приложила усилия к созданию библиотечной системы округа. В то время только в городе Олэйта (в пригороде Канзас-Сити, входящего в округ Джонсон) была собственная библиотека. В 1952 г. избиратели одобрили библиотечную систему, в 1956 г. было утверждено финансирование. В течение первых четырех лет 600 волонтеров оказывали жителям города библиотечные услуги. К 2010-м гг. библиотека округа Джонсон выросла до тринадцати филиалов, обслуживающих более двух миллионов посетителей.

Выводы

Пространство женской повседневности американского пригорода 1950–1960-х гг. в Музее округа Джонсон — это целостный образ, который формируется из комплекса предметов и информационных стендов, выстроенных в общий логический ряд и своеобразный нарратив о жизни городка, позволяющий посетителю сформировать многогранное представление о втором и начале третьего послевоенного десятилетия и соответствующих им гендерных особенностях.

Отражение социальной памяти в проблемном поле экспозиции подчинено философскому закону единства и борьбы противоположностей. Мы видим здесь женскую повседневность, которая имела множество условий для реализации планов и идей американских властей этого периода, декларировавших условия «счастливой жизни». С другой стороны, мы наблюдаем множество ограничений и сдерживающих факторов, которые становились реальностью в американском обществе в середине XX в. Так, большой дом 1950-х гг., с просторной удобной кухней и множеством технических новинок (стиральная и посудомоечная машины, пылесос и др.), способных освободить время женщины (в том числе искусственной рождественской елки) — хозяйки дома, это и своего рода ограничение женской повседневности, за рамками которой мы встречаем лишь единичные случаи реализации женской карьеры в общественно-политической сфере. Сам по себе «электрический дом» — это выставочный экземпляр, мечта и часть идеального мира, прерогатива единичных семей среднего класса, недоступная для большинства других семей. Наличие своего автомобиля в каждой семье — это возможность путешествий и повседневных поездок, однако это и ограничение женщин, которые не имели тогда личной машины, в отличие от мужей. Женскую повседневность нельзя рассматривать в отрыве от контекста, в котором происходило развитие социальной системы США; ограничения, накладываемые на этнические меньшинства, были теми самыми «поправками», которые ломали идеальную модель американской семьи из пригорода, выстраиваемую руководством страны в разгар Холодной войны, в 1950–1960-е гг.

Источники и материалы

Statistical Abstract 1969 — Statistical Abstract of the United States. National data book and guide to sources. 1969. P. 549–552.

Научная литература

- Веремченко В. А., Любичанковский С. В. От Н. Л. Пушкиревой до Н. Л. Пушкиревой: современная историография истории женской повседневности в России. Вестник Пермского университета. Серия: История. 2019. Выпуск 3(46). С. 85–94.
- Овчаренко Л. С. Историческая память в формировании патриотизма: из опыта работы школьных музеев // Эксперимент и инновации в школе. 2015. № 5. С. 39–43.
- Овчинникова З. А. Роль музеев в формировании, поддержке и трансляции исторической и культурной памяти // Вестник культуры и искусств. 2018. № 1 (53). С. 82–89.
- Пушкарева Н. Л. Особенности памяти о женском социальном прошлом и труд историка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Исторические науки. 2019. Том 18. № 2. С. 206–213.
- Пушкарева Н. Л. Социально-правовое положение женщин // Государство и право. 1985. № 4. С. 121–126.
- Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В. Музей и историческая память в современной России // Вопросы музеологии. 2014. № 2 (10). С. 16–21.
- Тартаковская И. Н. «Одной правды нет»: визуализация политики памяти в историческом музее // Интеракция. Интервью. Интепретация. 2014. Том. 6. № 8. С. 59–81.
- Anico M. *Heritage and identity: engagement and demission in the contemporary world*. London; New York: Routledge, 2009. 196 p.
- Archibald R. *The new town square: museums and communities in transition*. Walnut Creek, CA: AltaMira Press, 2004. 224 p.
- Arnold-de Simine S. *Mediating memory in the museum: trauma, empathy, nostalgia*. NY: Palgrave Macmillan, 2013. 239 p.
- Dickinson G. *Places of public memory: the rhetoric of museums and memorials*. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 2010. 282 p.
- Huber M. *Museums and memory*. Newfound Press, University of Tennessee Libraries, 2011. 239 p.
- Macdonald Sharon 2013 *Memorylands: heritage and identity in Europe today*. London; New York: Routledge, 2013. 293 p.
- Watson S. *Museums and their communities*. London; New York: Routledge, 2007. 568 p.

References

- Anico, M. 2009. *Heritage and identity: engagement and demission in the contemporary world*. London; New York: Routledge, 196 p.
- Archibald, R. 2004. *The new town square: museums and communities in transition*. Walnut Creek, CA: AltaMira Press. 224 p.
- Arnold-de Simine, S. 2013. *Mediating memory in the museum: trauma, empathy, nostalgia*. New York: Palgrave Macmillan. 239 p.
- Dickinson, G. 2010. *Places of public memory: the rhetoric of museums and memorials*. Tuscaloosa: University of Alabama Press. 282 p.
- Huber, M. 2011. *Museums and memory*. Newfound Press, University of Tennessee Libraries, 239 p.
- Macdonald, Sharon 2013. *Memorylands: heritage and identity in Europe today*. London; New York: Routledge. 293 p.
- Ovcharenko, L. S. 2015. Istoricheskaya pamyat' v formirovanii patriotizma: iz opyta raboty shkol'nykh muzeev [Historical memory in the formation of patriotism: from the experience of school museums]. *Ekspеримент i innovatsii v shkole*. 5: 39–43.
- Ovchinnikova, Z. A. 2018. Rol' muzeev v formirovanii, podderzhke i translyatsii istoricheskoi i kul'turnoi pamyati [The role of museums in the formation, support and transmission of historical and cultural memory]. *Vestnik kul'tury i iskusstv*. 1 (53): 82–89.

- Pushkareva, N. L. 2019. Osobennosti pamyati o zhenskom sotsial'nom proshlom i trud istorika [Peculiarities of memory about women's social past and the work of a historian]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoricheskie nauki*. 18(2): 206–213.
- Pushkareva, N. L. 1985. Sotsial'no-pravovoye polozheniye zhenshchin [Social and legal status of women]. *Gosudarstvo i pravo*. № 4. S. 121–126.
- Rostovtsev, E. A., Sidorchuk I. V. 2014. Muzei i istoricheskaya pamyat' v sovremennoi Rossii [Museum and historical memory in modern Russia]. *Voprosy muzeologii*. 2 (10): 16–21.
- Tartakovskaya, I. N. 2014. «Odnou pravdy net»: vizualizatsiya politiki pamyati v istoricheskom muzee [“There is no one truth”: visualization of the politics of memory in a historical museum]. *Interaktsiya. Interv'yu. Intepretatsiya*. 6(8): 59–81.
- Veremenko, V. A., S. V. Lyubichankovskii 2019. Ot N. L. Pushkarevoi do N. L. Pushkarevoi: sovremennaya istoriografiya istorii zhenskoi povsednevnosti v Rossii [From N. L. Pushkareva to N. L. Pushkareva: modern historiography of the history of women's everyday life in Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 2019. 3(46): 85–94.
- Watson, S. 2007. *Museums and their communities*. London; New York: Routledge. 568 p.